

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Д.М. Кижнер
Хоральная синагога, г. Томск

В декабре 1946 г. в Томск приехал Виктор Соломонович Цейтлин. Как оказалось, он был учеником Михоэлса и до войны работал режиссером и директором еврейских театров в нескольких городах советской России.

В Томске он продолжил работу режиссером и директором театра, филармонии, но, увы, на этом закончилось его связь с идишистиким прошлым.

Он, пожалуй, за Уралом был единственным специалистом по еврейской культуре.

В данной статье показана его довоенная жизнь, которая напрямую с самого детства была связана с культурой идиш, с еврейским театром¹.

В феврале 2003 г. не стало Виктора Соломоновича Цейтлина, заслуженного работника культуры России, ветерана Великой Отечественной войны.

С ним ушла целая эпоха жизни нашего города, в котором его называли патриархом томской культуры. Это был и «Последний из Могикиан» идишистской культуры.

Виктор Соломонович принимал активное участие в становлении еврейской общины Томска. Был бессменным членом правления Томского общества возрождения еврейской культуры. Несмотря на свой преклонный возраст, не пропускал ни одного мероприятия, проводимого общиной. Он часто выступал на семинарах нашего Сибирского института еврейской истории и традиции. Все без исключения темы прочитанных им на семинарах докладов были связаны с идишистской культурой. Вот они:

1. Язык идиш. Его история и судьба. 2. Выразительные средства языка: крылатые выражения, образность, синонимы, омонимы, пословицы. 3. Еврейский фольклор. Анекдоты, Гершеле Острополер, «Хелмер нароним» («Хеломские дуралеи»), народные песни. 4. Литература: проза, поэзия, критика, еврейские классики, писатели и поэты советского времени. 5. Газеты и журналы. Книжные издательства (идиш). 6. Театры и эстрада на языке идиш в СССР, в России и за рубежом. 7. Киноискусство. 8. Музыкальное искусство. 9. Воспоминания об Эдди Рознере. 10. История еврейского театра. 11. Кто мы (самоидентификация). 12. Искусство театра (как создается театральный спектакль). Моя жизнь в еврейском театре. 13. Цикл лекций: «История моей жизни».

Родился Авигдор (на идиш Вигдер) бен Шлоймэ, а именно так он был наречен своими родителями, в 1914 г. в волостном центре Монастырщине Смоленской области (50 км от Смоленска). Это было местечко с населением около 8–10 тысяч – половина русских, половина евреев и немного украинцев и белорусов. Как и полагалось, была одна церковь и одна синагога, хедер, две школы – одна еврейская – семилетняя, а другая русская – девятилетняя, которая располагалась в бывшем помещичьем особняке. Был там волисполком, волком партии и комсомола. Известный писатель и поэт, писавший на иврите и вошедший в еврейские энциклопедии Перец Смоленский, тоже родом из этого местечка.

Семья была небольшой. Мать – портниха, отец – столяр, выполнявший заказы из близлежащих деревень. Окрестные крестьяне хорошо знали Шлемку-столяра и заказывали столы, табуретки шкафчики, диванчики. Виктор помогал отцу столярничать. По общественной линии отец был в местечке добровольным пожарником, по праздникам пел в синагогальном хоре. Своего *хазана* в синагоге не было, и по праздникам специально приезжал человек из Смоленска.

В семье был еще младший брат Исаак и младшая сестренка Соня. Своей квартиры у Цейтлиных не было, всегда снимали жилье. Запомнил Виктор похороны братишки

¹ Материалы о деятельности В.С. Цейтлина опубликованы также в статье: *Кижнер Д.М.* Патриарх томской культуры. // Евреи в Сибири и на Дал. Востоке: история и современность. Материалы VIII региональной научно-практич. конф. (19–20 ноября 2007). Красноярск. 2007. С. 273–303.

Миши, который родился одновременно с сестренкой, но вскоре умер. Из общины пришел «микадр» – гробовщик-похоронщик, – закутал младенца в кусок материи, взял под мышку и ушел – вот и все похороны. Мать, как стояла на пороге, так и упала в обморок, еле её откачали.

Квартиры меняли, жили бедно. На двоих с братом была одна пара ботинок. Когда было очень грязно и холодно, они ходили в школу по очереди: один день – один, другой день – другой. Мясо третьесортное с жилами ели только по праздникам – это уже считалось роскошью. Масло на черный хлеб мазалось символически – тонким прозрачным слоем, и мать говорила, что бедные люди едят хлеб с маслом, а богатые – масло с хлебом.

Пожарные часто проводили учения, которые кончались строевым маршем с песнями по центральной улице местечка, в сопровождении ватаги ребятишек, а впереди шел оркестр. В Монастырщине музыкантов называли не *клеизмерами*, как это принято у евреев, а «французами». Почему французами? Оказывается эти еврей-музыканты были потомками солдат, оставшихся по тем или иным причинам после отступления войск Наполеона. Эти французские солдаты, оставаясь в еврейских местечках, женились на еврейках, их дети и внуки становились евреями, но прозвище «французы» за ними так и осталось. Большинство же из них почему-то становились музыкантами.

Как-то пожар стал фоном свидания у Виктора с девушкой, одноклассницей, в которую он был влюблен. Уже много позже, читая «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема, где у его юных героев Рэйзл и Лэйбл было такое же свидание во время пожара, он подумал, что писатель списал этот случай с него. Правда, судьба девушки Мили из Монастырщины была печальней судьбы Рэйзл – она умерла от голода в блокадном Ленинграде.

Учеба Виктора началась в *хедере*. В хедере преподавал *ребе* – учитель. Обучение велось двумя методами: *ребе* диктовал часть текста из Торы – *посык* (идиш) (на иврите *пасук* – небольшой фрагмент Торы – стих), на иврите, затем переводил для разбора на идиш, второй метод – «*канчик*» (ласковое название на идиш ремня), и тут он давал себе волю. Надо сказать, что и было за что. Во-первых за то, что плохо усваивали соответствующий *посык*, за то, что баловались, шалили, досаждали жене *рэбе* – *рбэцин*, подбрасывали что-нибудь в варившийся суп, вырывали в огороде репку и другую зелень. Кроме того, *ребе* рассказывал о провинностях отцу, и отец еще добавлял дома. Состоятельные – учились в *хедере* дольше, иногда и до 5-го класса, бедные – бесплатно.

Проучился Виктор в хедере всего один год, поскольку семья была пролетарская, сознательная, то решили, что религиозной школы для него достаточно².

Еврейская культура была достаточно востребована в довоенное время: издание газет и журналов, еврейские театры, клубы, библиотеки, институты, школы. После *хедера* Виктор окончил сначала еврейскую семилетку, затем перешел в русскую школу и окончил там 9 классов.

В еврейской школе большинство предметов, в основном по естественным наукам, преподавались на русском языке. На еврейском языке преподавалось обществоведение. Так что про политику, коммуны, про отмену крепостного права все им объясняли на еврейском языке. Ну и, конечно, на еврейском была литература и язык. Кадры преподавателей для еврейских школ готовили в специальных еврейских учительских институтах. Таковые были в Гомеле (по-еврейски это город звучал как «Гомле») и в Минске

Самым старым учителем, преподававшим ещё в царской гимназии, был Эркин Давид Евсеевич. У него был сын – поэт-имажинист. Он приезжал из Ленинграда в Монастырщину к своему отцу и устраивал встречи в школе, где учился Виктор. В журнале «Огонек» Евгений Евтушенко писал о своей книге «Антология русской поэзии»

² Мишпаха. 2003. № 10. Март – апр. С. 3.

и сокрушался, что многие известные поэты не включены в его антологию, упомянул он и поэта Эркина.

Монастырщину и другие еврейские местечки в те времена посещали бродячие еврейские театральные труппы, это были нищенские труппы (обычно 8–10 человек). Спектакли обычно давались в пожарном сарае. Люди приносили с собой скамейки, сооружался театральный помост. Артисты ходили по домам и собирали театральный реквизит: столы стулья, покрывала, посуду, так как у них ничего с собой не было. За пользование реквизитом они иногда расплачивались небольшими деньгами, а чаще давали контрамарки. Были среди них люди талантливые, но иногда и халтурщики. Давали пару спектаклей. Часто ставили пьесы плодовитого известного еврейского драматурга Якова Гордина. Он не был классиком, но тем не менее Московский Малый театр поставил его пьесу «За океаном», переведенную на русский язык. Во многих русских театрах шли также его «Сиротка Хася» и «Суламифь». Во время спектакля и зрителям, и актерам иногда мешали лошади, привязанные в этом же помещении, особенно когда они, справляя свою нужду, озвучивали лирические или трагические места пьесы.

В эти 20-е годы евреям оказывала помощь Америка, а точнее «Джойнт». Они присылали посылки с вещами (мальчишковые и девичьи костюмчики) и продуктами (мука, сахар). Позже при Сталине «Джойнт» был объявлен американской шпионской организацией.

В 1930 году в 16-летнем возрасте Виктор уехал в Москву с намерением поступить в театральную студию великого Михоэлса – театральную школу ГОСЕТа (Государственного еврейского театра), основанную годом раньше. Тогда на вступительных экзаменах, не имея паспорта, добавив к своему возрасту год, дабы его приняли, он впервые увидел С.М. Михоэлса. Виктор читал басни, показывал этюды. Михоэлс сказал: «Артист, Виктор, наверное, из тебя не выйдет, мы тебя «бросим» на режиссуру». Первый курс был общим для будущих актеров и режиссеров, со второго они занимались раздельно. Их было 12 человек. В январе 2003 г. Виктор Соломонович говорил о себе, что из режиссерского курса остался он один. «Можно сказать – Кашей Бессмертный». А с актерского курса в живых человека 3–4 осталось. Одна из них – его приятельница Мария Котлярова, живущая в Москве, которая иногда писала ему. Она консультирует, как специалист по еврейскому языку, актеров московского театра «Шалом». Принимает участие в международных фестивалях, посвященных памяти С. Михоэлса. Встречается с двумя дочерьми Михоэлса, живущими ныне в Израиле. Они ежегодно приезжают на этот фестиваль. Последний фестиваль проводился под эгидой Президента России. Дочерей Михоэлса Виктор знал еще маленькими девочками – они часто бывали в студии. Ныне одна из них, Нина, имеет в Тель-Авиве театральную школу, в которой училась дочь томской артистки Аркушенко.

В 1934 г., окончив театральную школу, выпускники разъехались кто куда. Что касается Цейтлина, то Михоэлс просил и настоял, чтобы он остался работать в школе его ассистентом по актерскому мастерству. Виктор, решив, что у такого человека всегда есть чему поучиться, остался

Спустя год Виктор попросил Михоэлса отпустить его, сказав, что хочет заняться самостоятельной режиссерской работой. Соломон Михайлович согласился, и Виктор за направлением обратился в Комитет по делам искусств. Там как раз была заявка на главного режиссера в Ташкентский еврейский театр.

Работал он в Ташкенте в 1935–1937 гг. В театре Цейтлина приняли хорошо, и в этой дружественной атмосфере он поставил там свой первый спектакль. Это была переведенная им с русского языка первая пьеса Арбузова «Шестеро любимых» – неприятная комедия. Но Арбузов был блестящим драматургом, и над постановкой пьесы Виктору было интересно работать. Следующим спектаклем, который Виктор поставил в Ташкенте, была пьеса «Первый еврейский рекрут». Это пьеса о еврейском кантонисте.

В Ташкенте Цейтлин пережил страшный 1937 год. Арестовали актера его театра Айзенберга за то, что он был «афганским шпионом». Когда ему сказали, в чем его обвиняют, он даже не понял, что это такое. Это был старый провинциальный актер, далекий от политики. Арестовали работавшего с Виктором актера Резника, но его все-таки спасли, а Айзенберг погиб.

В 1937 году дважды его вызывали в местный отдел НКВД. Это плохо бы все кончилось, если бы его семья не уехал из-за болезни ребенка.

Цейтлины уехали к родителям в Воронеж. Комитет по делам искусств предложил ему место преподавателя в Воронежском театральном училище. Воронежский театр был одним из лучших в стране, и училище готовило для него кадры. Виктор вел сразу два предмета: актерское мастерство и историю западноевропейского театра. Еще параллельно – актерское мастерство в хореографическом училище. Одновременно заочно он начал заниматься в Московском государственном институте театрального искусства (ГИТИС).

Из комитета пришло письмо о том, что есть заявка из Баку на руководителя еврейского театра, и Виктор решил, что Воронеж – хорошо, но театр ему ближе. Началась работа в Бакинском еврейском театре. Тогда в СССР было 14 еврейских театров, и все они были богаты актерскими кадрами. В Бакинском театре работало много талантливых актеров из любителей и профессионалов, и он решил поставить «Блуждающие звезды» по Шолом-Алейхему. Для него это был эпохальный спектакль. Инсценировка была сделана Добрушиным в Москве, но бакинский театр был первым, кто её поставил. Позже эту вещь поставил и Михоэлс в Москве. Виктору было приятно, что какие-то моменты по замыслу, по некоторым режиссерским решениям совпали с московским спектаклем. Начинается спектакль со сцены пожара. На фоне этого пожара романтический разговор стоящих на мостике подростков. Рейзл и Лейбл дают друг другу клятву, что не расстанутся никогда. Затем дети сбегают из дома, но судьба распорядилась так, что встретились они только спустя годы в Нью-Йорке. Главная героиня уже знаменитая певица. В спектакле они встречаются на Бруклинском мосту в сполохах вечерних огней и рекламы. Такая параллель с прошлым была сделана и в спектакле Михоэлса. Были и другие спектакли, поставленные Цейтлиным в Бакинском театре, которые тоже перекликались с московскими постановками.

Перед войной Сталин и Гитлер договорились о разделе Польши. СССР «воссоединил» ряд «братских» территорий Западной Украины и Белоруссии.

Сначала предполагалось создать театр в Бресте, но оказалось, что там мало еврейского населения. А Белосток был традиционно польско-еврейским городом Российской империи. Таким образом, было решено создать два еврейских театра: один во Львове, другой в Белостоке.

Положение еврейского театра в Баку ухудшилось. Содержать театр на государственные дотации становилось все труднее, а сам себя он не окупал. И когда Виктор узнал, что в Белостоке создается еврейский театр, он немедленно связался с Михоэлсом и подал идею, что неплохо бы Бакинский театр перевести в Белосток.

Было решено соединить две труппы: ту, которая уже была в Белостоке, и основную труппу из Баку.

Виктору пришлось работать и художественным руководителем театра. Предстояло соединить два разных коллектива. Учитывая состав местного населения, нужно было соответственно строить и репертуар. Поставил спектакль по знаменитой повести о скрипаче Стемпеню по Шолом-Алейхему. Затем он перевел на еврейский язык пьесу А.Е. Корнейчука «Платон Кречет», ставили и Шекспира. Во время одного из спектаклей («Буря») прямо на сцене умер прекрасный актер Ландау. В театре играл и актер Моревский. Это был актер с мировым именем.

В 1940 году случилось так, что Эдди Рознер с группой артистов бежал из оккупированной Польши. С ним был и Мессинг, который уже побывал в застенках гестапо. Воспользовавшись своим даром, он внушил часовому мысль отпустить его.

На советской территории у коллектива Рознера были проблемы. Работу не дают, потому что нет прописки, прописку не дают, потому что они нигде не работают. Идиотские советские порядки! Замкнутый круг! И вот они оказались в Белостоке, где Цейтлин был тогда директором театра. Бездомные измученные люди, без вещей и без средств к существованию. Виктор воспользовался своим знакомством с начальником городской милиции, который часто бывал на спектаклях театра. Он оформил им паспорта с пропиской. С большим трудом и ущемлением своих актеров Цейтлин разместил беженцев в подсобных помещениях театра. Раздобыл матрацы. Поскольку со снабжением было плохо, то организовали питание. Через городское управление культуры добился распоряжения об организации музыкального ансамбля. Так Эдди Рознер и его коллеги обрели в Белостоке гражданство и работу.

Случилось так, что выступление ансамбля видел приехавший в Белосток секретарь ЦК компартии Белоруссии. Через некоторое время появилось распоряжение о преобразовании ансамбля в Государственный джаз Белоруссии под управлением Эдди Рознера.

Работая в Белостоке, Цейтлин получил приглашение из Каунаса поставить спектакль. Он перенес туда свой спектакль о скрипаче. В спектакле была занята замечательная актриса, игравшая одно время в парижских театрах, – Рашель Бергер. В еврейской литовской газете была большая рецензия на спектакль и специальный разбор режиссерской работы.

За месяц до начала войны Белостокский театр привез в Могилев свой новый спектакль, который никогда еще не шел ни в русских, ни в еврейских театрах. Лермонтовский сюжет о еврейском юноше и испанской девушке («Испанцы»). Виктор его перевел на еврейский язык. Первая его жена – Мария Веллис, как актриса, занятая в спектаклях, поехала с ним. 22 июня должен был быть утренний спектакль в Могилеве. По дороге в театр артисты услышали по радио выступление Молотова.

THE LAST OF THE MOHICANS

D.M. Kizhner

The Choral Synagogue, Tomsk, Russia

Victor Solomonovich Zeitlin arrived in Tomsk in 1946. As it turned out, he was a student of Mikhoels and before the war he worked as a director of the Jewish theaters in several cities in Soviet Russia.

In Tomsk, he continued to work the director of the Theatre, Philharmonic Hall, but unfortunately this has ended its relationship with idish.

He is perhaps beyond the Urals was the only expert in Jewish culture.

This article shows his prewar life, which is directly from the childhood was associated with the culture of Yiddish.